

И. А. ИЛЬИН

О сопротивлении злу

Открытое письмо В. Х. Даватцу

Вы хотите, дорогой друг, чтобы я высказался по поводу новой формы «непротивленчества», сложившейся в русской зарубежной публицистике. Исполняю Ваше желание с тяжелым чувством безнадежности. Не потому, что я не надеялся убедить в чем-нибудь Вас: ведь я знаю о нашем единомыслии; да и не мне убеждать Вас в правоте того воззрения, которому Вы умели служить и словом, и делом, и жизнью. Безнадежное чувство мое объясняется тем, что здесь явно никто из разномыслящих никого не убедит. Они не убедят нас не только потому, что у них нет аргументов, но и потому, что они открыто заменили аргументацию идеологическими инсинуациями и личным поношением. А мы не убедим их потому, что они не хотят ни видеть предмета, ни слушать и слышать наши доводы и обоснования.

Вспомните прошлогоднее выступление г. Демидова в «Последних новостях» и сравните его с недавними статьями г. Бердяева и г. Айхенвальда¹. Ведь это не случайное совпадение тона и «способа аргументации»; и ведь их статьи не последние в этом роде... Это принятый у них прием борьбы. Они совсем не ищут реальной встречи с идеей противника; им совсем не существенно верно понять то, против чего они возражают. У них задача другая: изобразить в отвратительном виде ненависящееся и затем скомпрометировать идеи, а по возможности и личность противника. Им надо перекричать, заглушить, испачкать то, что они отвергают; и для этого они не останавливаются перед явною неправдою и личным опорочением. Трудно было бы признать, что этот способ борьбы достоин христианских мыслителей или просто честных исследователей, но мелкая уличная пресса всегда пользовалась этим вульгарным при-

емом, и посмотрите, как на этой почве уже крепнет «духовное» единство между непротивленцами и парижской левой печатью.

Недаром пишет мне один высокоавторитетный и мудрый друг, стоящий в стороне от всяких интриг и от всякой общественной борьбы: «Наши интеллигенты неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с фанатизмом... достойным «черни»».

Ввиду этого спор с этими господами невозможен и безнадежен. Спора и нет. Мы утверждаем нечто делом и словом, любовью и жизнью. А они — лгут о нас и пытаются нас измарать. И замечательно, что вся их организованная коллективная инсинуация, слагающаяся в целое ополчение непротивленцев, совершается якобы во имя христианской любви, которая якобы только им одним и понятна, только им одним и доступна; которую они простирают и на большевиков, и на злодеев, и на всякую человеческую душу, за исключением одного только изувера «протестанта», «бессердечного фарисея», «гордеца», «немца», «моралиста» и «инквизитора». По отношению же к нему все дозволено — ложь, клевета, поношение и даже намеки на то, что, с известной точки зрения, его следовало бы убить. И этот изувер — я. Но Вы знаете, что я не одинок. У меня есть друзья и единомышленники, которые *делали* то, что я пытаюсь обосновать, и которые чувствуют и думают то, что я высказал. И они, конечно, относят эту ненависть и эту инсинуацию и к самим себе. Вот почему я имею право говорить и буду говорить «мы» и «они».

Посмотрите статью Бердяева. Ведь она насыщена такою личною злобой, что надо быть совсем наивным и недумаящим человеком, для того чтобы, раз прочтя эту его статью (к кому бы и к чему бы она ни относилась!), продолжать видеть в нем христианского писателя и учителя христианской любви. Можно понять всякий идейный гнев, можно извинить любое полемическое увлечение. Но подобное изливание отстоявшейся личной ненависти производит прямо<-таки> болезненное впечатление. И что было бы, если бы я стал отвечать в таком же непристойном тоне г. Бердяеву или г. Айхенвальду, злобно вторгаясь к ним в душу, характеризуя их чувства и настроения отвратительными словами, унижительными сравнениями, оскорбительными кличками и т. д.

Храни нас Бог от такой благородной полемики... Мы лучше будем молчать или уже говорить по существу.

Гораздо поучительнее бросить луч света на высказываемые ими воззрения.

Прежде всего они пытаются отрицать свое непротивленчество. Вот, например, г. Бердяев прямо заявляет, что он никогда не был непротивлением, что «человеческое общество, бесспорно, не может существовать без государственной власти, которая будет силой ограничивать и пресекать проявления злой воли» и т. д. Вот и г. Айхенвальд спешит вслед за ним подтвердить, что в необходимости сопротивления злу силою никто и не сомневается. А г. Бердяев даже наивно недоумевает, против кого это я с моею книгою «восстал»: толстовцев у нас нигде не видно, а «в длинном пути, уготовлявшем большевизм, непротивленства у нас не было никакого» (оцените, пожалуйста, эту выходку!). Словом, я «ломлюсь в открытые двери», «буйствую без всякой надобности» — и «совсем не оригинален».

Оставим в стороне это плоское мерило «оригинальности» и «неоригинальности», это мерило простительно гимназистам старшего класса и понятно у людей из подполья (Достоевский). Искать надо верного, а не нового; истина для нас желанна и обязательна даже тогда, когда она окажется банальною, а оригинальность парадоксов и вывертов была непростительна и до революции. Оставим также в стороне вопрос о «буйстве», ибо моя книга не буйство, а серьезное и ответственное исследование.

Поставим вопрос ясно и недвусмысленно. Перед нами «православный христианин», который «приемлет» государство и его пресекающую функцию. Но что значит — «приемлет»? Считается, как с неотвратимым злом и бедствием, вроде чумы, или считает целесообразным, важным, ценным и главное — *негреховным*? Приемлет с отвращением, как регистрируемый и осуждаемый противохристианский факт, или приемлет *волею и чувством*? Приемлет в качестве православного христианина или *вопреки* своему православию и христианству?

Все это отнюдь не формальные и не полемические придирки. Ибо тут-то у них и начинаются их скользкие уклоны, тут-то и начинаются у них те щели, в которые прячется воззрение новейшего непротивленца, не желающего ничего почувствовать и додумать и малодушно укрывающегося от глубокой и сложной проблемы.

Дело в том, что если кто-нибудь принимает государство как *последователь и ученик Христа*, а не вопреки своему христианству, то он *обязан осмыслить государственное дело любо-*

вью: прочувствовать его и продумать согласно учению Христа и затем честно, твердо и недвусмысленно отвергнуть или принять. Так, как честно и мужественно сделал это Лев Толстой: «да» — так да; «нет» — так нет. Так, как это сделали в свое время Тертуллиан, Афинагор и другие². Если человек, движимый христианской любовью, может и должен быть государственным и политическим деятелем, тогда надо прямо и недвусмысленно показать это. Если же это невозможно, тогда необходимо признать государственное дело *противохристианским*, доказать это и так жить. Тогда надо всех правителей, политиков и государственных служащих *извергнуть из церкви*, а всем православным христианам *воспретить от лица церкви* всякое государственное строительство (Тертуллиан!). Понятно, что это значило бы осудить и отвергнуть те пути, по которым вот уже две тысячи лет ведет людей православное христианство. Понятно также, что только осмысление государственного дела христианскою любовью может открыть настоящие пути, ведущие к углублению и очищению и человеческого правосознания и государственного строительства, к облагораживанию и развитию одних государственных функций и к сокращению и, может быть, ликвидации других. Только тогда и функция пресечения найдет свою главную цель, и свой последний корень, и, что еще важнее, — свою *меру* (меру своей допустимости и меру своей недопустимости!). И только тогда, если я принимаю государство моею *христианскою волею*, — оно станет для меня не скверным и не стыдным фактом, который я с отвращением регистрирую, а *системою моих личных поступков, которые я сам считаю согласными с учением Христа*.

Тогда, и только тогда, я перестану быть «христианским» непротивленцем.

Если же этого нет, то все заявления о «принятии» становятся двусмысленностью, разновидностью прикровенного непротивленства, которое особенно вредно именно потому, что оно систематически и незаметно *отравляет в тылу колодцы христианского правосознания*.

И вот именно таково это новейшее непротивленство.

У половинчатых непротивленцев не хватает религиозной цельности, гражданского мужества и воли, для того чтобы вступить на этот путь Их идея, связанная с мироотвергающими

и противогосударственными тенденциями первых христианских еретиков, прячется за двусмысленными формулами и невыговариваемыми оговорками (*reservatio mentalis*). Втайне считая государственное дело противохристианским, они боятся выговорить это; а неосторожные формулы, роняемые ими, да общая ярость их полемики — выдают их с головой. Молчаливо отвертываясь от всей традиции христианской православной церкви, они не хотят дать государственному делу религиозно-христианского осмысления, ободрения и укрепления и отвечают поношениями тому, кто ищет именно этого. Зато они систематически выдвигают именно противогосударственную традицию в христианстве и выдают именно ее за единственно православную. Но попробуйте поставить вопрос ребром... и формулы о «признании» и «приятии» государственности мигом будут опять произнесены и опубликованы. Они «принимают» так, чтобы не принять, «допускают» с тем, чтобы осудить; «признают» как бы для того, чтобы скомпрометировать, обесилить и погубить «признанное». Я бы сказал, что их воззрениям более всего соответствовала бы беззубая, мнимогуманная, безвольная и предательская «государственность» Временного правительства. Кто из нас не помнит этого позора?

Вот почему то «признание» государственности, которое они выговаривают, — есть нечто религиозно и жизненно *двусмысленное*. Оно именно таково, каково оно было у умершего ныне князя Львова, сумевшего взять власть в России и затем непротивленчески передать Россию ее врагам и врагам христианства³. Посмотрите, как зорко и мудро обличает покойный П. И. Новгородцев непротивленческую вину Временного правительства (посмертная статья в том же номере «Пути») ⁴. И как легкомысленно и безответственно (и в то же время как поучительно!) звучит после этого фраза г. Бердяева о том, что «в длинном пути, уготовлявшем большевизм, непротивленства у нас не было никакого...»

В действительности — Вы знаете это — было как раз обратное. Большевики завладели Россией именно потому, что русская интеллигенция была сплошь заражена сентиментально-анархическим неприятием государственности. И та «государственность», которую принимали левые партии, была изнутри насквозь пропитана, искажена и отравлена стихией П. Кропоткина и Л. Толстого. Эта непротивленческая установка по отношению к бунтующей массе («революционный народ») насаждалась и крепла весь XIX в., пробираясь все выше и выше и парализуя государственную волю в России. Отречение двух законных го-

сударей, а с ними вместе царствующей династии — завершило этот процесс; и власть перешла в руки левых непротивленцев, которых г. Бердяев, с обычным для него взглядом поверху, пытается изобразить «противленцами», смешивая противогосударственное, дезорганизирующее бунтовщичество с сопротивлением злу силой. И вот то, что делают ныне г. Бердяев и его единомышленники, сводится к попытке дать христианско-православную санкцию этому религиозному, умственному и волевому пороку русской интеллигенции...

Моя книга не только «восстает» (т. е. полемизирует), но и утверждает. «Поскольку же она восстает», то именно против этой традиции, которая продолжает жить и ныне в воззрениях новейших непротивленцев. Эта традиционная интеллигентская установка, делающая себе идола из сентиментальной гуманности, однажды уже предала Россию на потоп и разграбление, однажды уже предала русскую православную Церковь на поругание дьяволам. И именно она-то и сблизжает господ непротивленцев с господами из «бывшего Временного правительства»... И именно такое «прятие» государства, которое втайне считает его противохристианским делом насилия, будет и впредь чревато предательством Церкви и Родины.

Ибо в критический момент и роковой момент, когда борьба за Церковь и Родину потребует войны или казни, скрытое отвержение государства, потихоньку насаждавшееся в душах и оставлявшее свой яд в колодцах христианского правосознания, непременно выйдет из своего молчаливого подполья и наложит запрет на «насилие». Так уже было один раз, так будет и впредь. Ибо всегда найдутся люди, которые достаточно «примлют» государство, чтобы пролезть наверх; но у которых это прятие именно настолько неискренне и малодушно, чтобы предать то государственное дело, за которое они берутся.

Если патриотически-необходимая война и государственно-необходимая казнь постыдны и запретны для христианина, то в трудную и трагическую минуты он всегда отвергнет их. И будет в этом прав. Ибо христианина может подвигнуть к борьбе только любовь. И потому он, имея в душе для борьбы одни только «противохристианские» мотивы, всегда предпочтет предоставить злодею свободу и пассивно ожидать его покаяния и обращения, отвергая наступающую и пресекательную борьбу.

Понятно также, что человек, из глубины своего христианского сознания осудивший государственное дело, выйдет из него сам и будет проповедовать этот выход и другим. Все христианское уйдет в Церковь; все противохристианское сосредоточится

в государстве. Отвлеченно говоря, я понимаю, что можно хотеть именно этого. Но занимающий эту позицию «христианского» мироотвержения, во-первых, обязан ее открыто выговорить и обосновать, во-вторых, он обязан иметь мужество уйти в ересь и не выдавать свое лжеучение за православное.

Вы, дорогой друг, читали мою книгу и знаете, что я отнюдь не смешиваю Церковь и государство, и отнюдь не превращаю ни государство в Церковь, ни Церковь в государство. Вымыслы г. Бердяева мы можем спокойно оставить на его совести. Но я считаю христиански верным и необходимым, *оставаясь христианином, принять государство* и осмыслить его единым христианским лучом, лучом *любви*. Эта любовь, любовь в государстве, — иная, чем церковная; но тоже любовь, и притом христианская любовь. Это есть любовь, вынужденная выйти из своей совершенной полноты (плеромы). Она не заменяет той, к которой зовет Церковь, и отнюдь не ограничивает ее; напротив, она сама есть ее видоизменение и потому остается у той в научении и очищении. Но она не перестает быть любовью. Государственная *власть* не подчиняется церковной; и церковная власть не подчиняется в своих пределах государственной. Но государственные и политические *деятели* остаются членами Церкви и связуются плеротической любовью в том, что они делают. Именно это понимание выговорено в моей книге (см. особенно гл. 22); и я утверждаю, что это есть понимание христианское, православное и русское, свободное от всякого «цезарапапизма» и «папоцезаризма».

И вот эта-то концепция государства и приводит в величайшее «негодование» господ непротивленцев. Их премудрость иная: «Есть добро и есть зло. Каждое из них отдельно»; «христианство остается само по себе, а государство само по себе» (г. Айхенвальд); г. Бердяев искуснее скрывает свое воззрение: он предпочитает обойти центральный вопрос о *государстве и любви* и яростно полемизирует с собственной выдумкою, которую он приписывает мне. Однако и он категорически отвергает то положительное, воспитательное задание государства, на котором настаивает апостол Павел. И вслед за тем насаждает дух непротивленчества.

В самом деле, продумаем до конца выдвигаемую им формулу: «душа человеческая стоит больше, чем все царства мира», в которой он связывает вопрос о «покаянии коммунистов» и обращении их ко Христу. Он сам, конечно, избегает делать из нее практические оценки и выводы; но именно поэтому мы дочувствуем и додумаем все до конца.

Подумайте только: «больше, чем в-с-е ц-а-р-с-т-в-а м-и-р-а». Все... А в наши дни борьба идет всего только из-за одной России... Но ведь коммунист Зиновьев — разве не человеческая душа? А коммунист Уншлихт? А коммунист Бэла Кун? ⁵ А как мы можем доказать, что они не покаются и не обратятся? Что же драгоценнее — умилившийся душой Зиновьев или какое-то одно «русское царство»? А что, если Уншлихт возьмет и уйдет в монастырь? А вдруг Сталин лет через тридцать, перед смертью обратится? Думала ли об этом белая армия? Думали ли об этом ее вожди? Как же они смели идти на коммунистов с мечом? Ведь убивая коммунистов в гражданской войне, они лишали их возможности покаяться и обратиться!! Как же они смогли, будучи христианами, поступать так?! «Кто же может взять на себя решимость казнить от лица абсолютного добра и духа?» — спрашивает их ныне г. Бердяев. Ведь это же «неслыханная духовная гордыня»! Пока не исключена возможность покаяния и обращения, до тех пор... что же, спросим мы, до тех пор их художества свободны и неприкосновенны? Ведь «отрицание свободы зла делает добро принудительным» (г. Бердяев)! А кто же тогда может доказать — и как? и чем? и о ком? — что покаяние и обращение абсолютно недоступны этому человеку...

Итак?..

Не вздумайте возражать ему, что коммунисты ведут борьбу с верою и Церковью, что они под видом «живоцерковцев» уже пробрались в самую сердцевину церковной организации, вызвали церковный раскол и сеют величайшую религиозную смуту. С ними *нельзя* поступать так, как поступил Спаситель с торговцами в храме! Но почему? А потому что г. Бердяев находит, что «большевики не торгуют в храме», — они «извне разрушают храм. Это совсем иная ситуация...» (с. 107).

Что же, надо все предоставить и все позволить?

И еще не вздумайте возражать ему, что коммунисты губили и губят Россию, растлевают русских детей, умучивают лучших сынов России... Что такое все царства мира, когда с течением времени может обратиться человеческая душа Менжинского!.. ⁶

И не вздумайте приводить ему в возражение, что коммунисты сами не дождались и не дожидаются религиозного просветления многих миллионов убитых ими русских людей! — ведь еще Тертуллиан спрашивал христиан в порыве непротивленчества: «А кто вам сказал, что вы непременно должны жить!?» Разве христианин от мира сего? Разве не надлежит ему посто-

янно помнить два основных правила: «презирайте мир» и «помните о смерти»!?

Но Тертуллиан додумывал до конца и прямо выговаривал: «Нет ничего, что было бы нам (христианам) столь чуждо, как государственное дело (*res publica*)»; он прямо запрещал христианам всякое государственное служение. Не ждите этой открытой прямоты от современных непротивленцев. Они даже «много критиковали Толстого», и если издеваются ныне над «картонным мечом» белой армии, и если порицают нас с Вами за «разжигание» ее «страстей» и «взвинчивание» «духовно-моральной атмосферы», — то это совсем не от непротивленчества, а исключительно по соображениям гигиены и целесообразности...

Не правда ли, поучительно? А главное — цельно, прямо, мужественно и искренно?

И это — есть православие и православная традиция?

Но что же тогда г. Бердяев и его единомышленники обязаны сказать о высоко чтимом нами владыке Вениамине (ныне епископ Парижский), который по собственной инициативе в роковую минуту белой борьбы за Крым в 1920 году, с крестом в руке рядом с главнокомандующим вел в атаку на коммунистов офицерские роты?⁷ — Мы считаем этот акт глубоко православным, украшением русской церковной истории! А они?!...

Теперь уместно спросить, чем я могу подтвердить православность моего подхода к государству и смертной казни? Есть ли в Священном Писании Нового Завета ясное и определительное решение этого вопроса и где именно?

Начну с того, что в моей книге «О сопротивлении злу силою» я поставил перед собой проблему философскую, а не богословскую. Я вынашивал мою книгу более двадцати лет, и, понимая всю ответственность вопроса и всю сложность темы, я в течение долгих лет воздерживался от писания и проверял себя всеми доступными мне средствами и способами, и, конечно, прежде всего — Священным Писанием. И вот во мне сложилось убеждение, что трактовать этот вопрос как богословский надлежит не светским людям, а духовным; и притом потому, что в Евангелии и в других книгах Нового Завета есть немало таких мест, которые имеют отношение к исследуемому вопросу, но для собственного толкования которых необходим авторитет, связанный с саном. В противоположность г. Бердяеву и его группе — считаю себя в православии не учителем, а учеником;

и именно поэтому я совсем воздержался от привлечения и истолкования этих мест в моей книге; инкриминируемые же мне толкования предварительно надлежащим образом проверил у авторитетных лиц, дабы избежать личного произвола и криво толка.

По вульгарному выражению г. Бердяева, все это означает, что «мое» православие «взято напрокат» и «шито белыми нитками»...

Более всего господа непротивленцы возмущаются тем, что я мыслю государственное дело и вместе с тем и меч, и казнь (поскольку они необходимы) как *служение* Богу, и притом Богу любви, Христу, Сыну Божию. Вся та масса резкостей и дерзостей, которую они мне уже наговорили и еще наговорят, — вызвана именно этим моим воззрением. Именно за это воззрение я уже получил и «морально извращенного», «инквизитора», и «неслыханного гордеца», и «немца», и «чекиста», и все остальные художества.

Что же именно по этому вопросу говорит Священное Писание Нового Завета?

Откроем послание апостола Павла к римлянам и прочтем главу тринадцатую.

«1. Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. 2. Посему противящийся власти противится Божию установлению, а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. 3. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее. 4. Ибо начальник есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. 5. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. 6. Для сего ав и подати платите: ибо они Божий служители, сим самым постоянно заняты. 7. И так отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь. 8. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. 9. Ибо заповеди “не прелюбодействуй”, “не убивай”, “не кради”, “не лжесвидетельствуй”, “не пожелай чужого” и все другие заключаются в сем слове: “люби ближнего, как самого себя” (Левит, 19,18). Любовь не делает ближнему зла, итак, любовь есть исполнение закона».

Посмотрите, как здесь все ясно и определено, как глубоки эти вдохновенные, гранитные формулы. Государственное дело

есть *служение Богу*; государственные правители суть *Божий слуги*, по-гречески (цитирую текст Синайского списка) — «диаконос» и «литургос». Этим служением Богу они *заняты постоянно*; и именно в качестве *Божиих слуг* они *носят меч*, карая этим мечом того, кто делает злое; и в качестве *Божиих слуг* собирают подати. И именно потому, что они *Божий слуги*, христианин, оставаясь христианином, может и должен повиноваться им не из страха только перед мечом, но и по своей *христианской совести*. Государство есть *установление Божие*; призвание его в том, чтобы удерживать людей от злых дел угрозою меча и чтобы одобрять и поддерживать делающих доброе.

Может ли быть сомнение в том, что говоря о Боге, апостол Павел понимает сына Божия Иисуса Христа? Какому же добру служит правитель, если не делу любви? Именно так; и апостол Павел договаривает все это до конца, показывая, что государственные законы могут и должны выражать то самое, к чему зовет. Христова заповедь о любви и что подсказывает христианину его совесть. Таково *призвание* власти; но вместе с тем это и *критерии* ее, по которому мы узнаем ее Богоустановленность и обязательность для нашей совести.

Теперь откроем Первое послание апостола Петра и прочтем вторую главу с тринадцатого стиха.

«13. Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: царю ли как верховной власти, (14.) правителям ли как от него посылаемым для наказания преступников и поощрения делающих добро. 15. Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей; (16.) как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божий. 17. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите».

Посмотрите, та же самая идея. Но иная, новая глубина. Государственные правители, заграждая уста невежеству безумцев, наказывая преступников и поощряя добродетельных, — *исполняют волю Божию*; они — его рабы (по-гречески «дулос»), но в служении их им дано свободное разумение, однако не для злоупотребления этим разумением. Вот почему повиноваться им надо *для Господа*, по-гречески — «диа тон Кюрион»; по-латыни (Амиатинский кодекс) — *propter Deum*.

Не ясно ли, что государственные правители мыслятся апостолом Петром как исполнители воли Сына Божия Иисуса Христа?

И не то же ли самое мы находим в Послании апостола Павла к Титу (гл. 3 стих, и сл.)?

Теперь спросим себя, могли ли апостолы любви благословить государственное дело как служение Христу, и государственных правителей как слуг Христа, и подданных на совместное повиновение этим слугам Сына Божия, если они, апостолы, не мыслили себе все это как дело любви? Что же, они благословляли правителей на ненависть и злобу? Не выговорил ли апостол Петр прямо, что Христос хочет, чтобы мы не только делали добро, но и заграждали уста невежеству безумцев и наказывали преступников? Не выговорил ли апостол Павел прямо, что *вся* деятельность правителей, включая карающий меч, должна быть осмыслена как верное служение Христу Спасителю? Что же, это служение мыслилось апостолами как прористекающее из противоположного озлобления?

И еще спросим себя: если апостолы Петр и Павел именно так и поняли и истолковали Христа в канонических Посланиях, то имеем ли мы право не принимать это истолкование как православное? И имеем ли мы основание искать в самом Евангелии и находить в нем слова и деяния, близкие по своему смыслу к этому истолкованию? И не обязаны ли мы сами держаться этого истолкования как истинного?

Или эти «места» Посланий «устарели» для нашего гуманного века? Но тогда надо высказать это открыто и начать пересмотр всех книг Нового Завета с точки зрения «гуманности»! Или нам необходимо — для принятия этих сторон апостольского учения — получить разрешение от г. Бердяева и его единомышленников? Но кто же они, наши поносители и злословники, что присваивают себе ключи к истине православия и думают замалчивать или даже налагать запрещение на ясный смысл апостольских посланий? Вот они поносят меня за воззрение, которое есть, по существу, апостольское воззрение; кого же поносят они? А ведь я прямо указываю в моей книге на эти апостольские разъяснения и определения (с. 162, 192, 207)... Вот они хотят противопоставлять Кесарево дело — Божию, а апостолы благословили Кесаря и его слуг, как верных слуг Божиих... Что же слова Спасителя о «Кесаревом» и «Божием», и изгнание из Храма, и многое другое в Евангелии, сокровенно указующее на *трагедию* мира в его борьбе со злом, — что же, г. Бердяев разумеет все это лучше апостолов?

Когда в прошлом году против моего понимания так резко и неосновательно выступил г. Демидов, я указал печатаю на источник моего воззрения. Что сделали господа непротивленцы? Обошли молчанием указанное и поспешили приписать мне вновь свои собственные выдумки... Так, наверное, будет и впредь; или же они скажут, что у апостолов все это «образная символика», а что у меня — «больное воображение».

Замечательно, однако, что Христианская Православная Церковь в течение всей своей истории понимала слова апостолов прямо и непосредственно, не обращая ни к каким «образным» перетолкованиям. Неужели надо для доказательства исчислить всю историю? Неужели вспоминать все от Константина Равноапостольского и ранее? Неужели приводить страницы из святоотеческой литературы? Прочтите же хотя бы толкование Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (т. 1), особенно то место, где он говорит о *любви, повергающей злодеев в темницу*...

Но вот возьмем одну только русскую историю.

В княжение Владимира Святого умножились разбои, и вот епископы сказали великому князю: «Разбойники умножились, зачем не казнишь их?» Владимир отвечал: «Боюсь греха». Епископы возразили на это: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милование; тебе должно казнить разбойника, только разобрав дело». Владимир Святой послушался (Соловьев С. М. «История России», т. 1, гл. 7).

Что же, русские православные епископы того времени, явно ссылавшиеся на Послание к римлянам, и Владимир Святой, принявший их совет, — были «озлобленными инквизиторами», которых «давно покинул ангел истинной любви»?!

А дошедшее до нас наставление Св. Феодосия Печерского: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими» (Костомаров, «Русская история», т. I)?⁸ Но что же делать с врагами Божиими? Очевидно, следует заграждать уста их безумству, как учил апостол Петр...

Спросим теперь, как же мог преп. Сергей Радонежский вдохновлять и вдохновить Дмитрия Донского к кровавому побою с татарами? Почему же он не считал необходимым ожидать всеобщего татарского покаяния и обращения? Или татарская душа не «человеческая душа»?] Или преп. Сергей не умел дорожить (подобно г. Бердяеву) «индивидуальной человеческой душой и ее вечной судьбой»? А ведь он послал еще двух своих иноков убивать татар... Что же, это все было отпадением;

от христианства и от православия? И монахи Троице-Сергиевой Лавры, вставшие в Смутное время <на борьбу> с воровскими шайками — тоже отпали от православия или творили «противохристианское» дело вслед за преп. Сергием?

Пусть только господа непротивленцы договорят все. Здесь нельзя, непозволительно двоиться и умалчивать.

А великие московские митрополиты всея Руси, чудотворцы, собиравшие и строившие Русь вместе с московскими князьями, — что же, они считали государственное начало органом добра вслед за апостолами или органом зла в союзе с непротивленцами?

А когда Св. патриарх Гермоген⁹ подымал своими грамотами Россию на поляков и воров, то это был с его стороны акт христианский и православный или нет? Что же, он «смешивал церковь и государство»? Что же, он не считал поляков и воров за «человеческие души»? Что же, он не верил в силу покаяния? Или он не знал, что обрекает тысячи «индивидуальных человеческих душ» на смерть для того, чтобы спасти одно земное царство России?

А когда митрополит Ростовский Кирилл вместе с князем Пожарским строил и вел ополчение на Москву, то это было с его стороны делом любви, и притом именно христианской любви, или делом ненависти и злобы? А отшельник Иринарх, призывавший князя Пожарского идти на Москву без боязни, — ведь он вместе с митрополитом Кириллом «разжигал страсти этого движения» и «взвинчивал морально-духовную атмосферу»?..¹⁰

А правление Филарета Романова?¹¹ А суровость Никона?¹² А наши полковые священники, ходившие без меча, но с крестом в атаку со своим полком, благословляя на смертный бой за родину? Что же, они извращали христианство и взвинчивали страсти?

Что же могут выдвинуть господа двусмысленные непротивленцы против этой православной традиции?

Отвечаю: традицию русской сентиментальной интеллигенции XIX в. до г. Бердяева и г. Айхенвальда включительно.

И когда г. Бердяев отрешает меня как «чужого человека, иностранца, немца» от этой фальшивой интеллигентской традиции, то я отрешился от нее сам и уже давно. Ибо я следую традиции древнеправославной, русско-национальной; а для нее иностранец не я, а господа сверхгуманные непротивленцы...

Подумать только, что было бы с Россией, если бы царь Алексей Михайлович (Тишайший) стал бы ожидать покаяния Степана Разина и его шаек и ограничился бы молитвой о них? Что было бы, если бы Петр со стрельцами и Екатерина Великая с пугачевскими шайками (которые Пушкин совершенно объективно и эпически именуется «сволочью», т. е. сбродом людским) не «взяли <бы> на себя» «решимость казнить» злодеев от лица православной России? Ведь они оказались бы *предателями* своей страны... А когда они это делали, то Православная Церковь их осудила за это или нет? И если бы она их осудила, то в согласии с апостольским учением или вопреки ему?

Я знаю, дорогой друг, что они скажут; полемические приемы их мне уже известны. Они скажут, что я, изнемогая от злобы, мечтаю залить всю Россию кровью, что я воспеваю известные эксцессы Петра, что я презираю русский простой народ до такой степени, что поношу его бранными словами («сволочь»...) и т. д.

Русская пословица говорит: «Людам губа не заперта». Пусть говорят. А другая пословица утешает: «На всякого враля по семи охалычиков»... Отметим только заранее: идейную полемику превращает в личную инсинуацию тот, кто считает свою позицию в споре безнадежно потерянной.

Но об этом могут еще сказать, что «теперь об этом говорить несвоевременно...» (Это уже сказано обоими).

Посмотрите, как это поучительно. Во-первых, мое воззрение противоречит христианству. А во-вторых, если оно не противоречит христианству, то теперь несвоевременно об этом говорить. А если даже и своевременно, то, в-третьих, это «принижает достоинство философа»...

Достоинство философа состоит в том, чтобы, во-первых, в исследовании быть честным с самим собою; во-вторых, искать предметную правду с чувством ответственности перед лицом Божиим; в-третьих, говорить, что думаешь, и делать, что говоришь. И именно поэтому господа непротивленцы должны прежде всего подумать о своем собственном духовном достоинстве...

Но, помимо этого, в беде и страдании своевременно, как никогда, вскрывать ложные пути и ложные предрассудки, приведшие уже раз к гибели. А если г. Бердяев решается утверждать, что я говорю о смертной казни с «упоеанием» или что я уже «пошел сажать в тюрьмы и казнить», то нам остается только пожелать, чтобы однажды, в минуту отрезвления, он устыдился бы этой лжи и этой инсинуации.

Тонкий и мудрый французский историк Гастон Буасье¹³, говоря о Катоне Старшем, пишет: «Из всех крайностей самая опасная есть, быть может, крайность в добре; по крайней мере, от нее всего труднее исправиться, так виновный тут рукоплещет сам себе и никто не осмеливается укорять его...»

Именно таково было и остается настроение русской сентиментально-непротивленческой интеллигенции. Это есть мечтание о некоей нравственно-совершенной жизни, мечтание, не считающееся с наличною трагедией мира или же считающееся с нею как с фактом, а не как с волевым заданием. Это мечтание беспочвенное и обманчивое, взращивающее в душе слепоту, малодушие и религиозное дезертирство. Подумайте только: русская интеллигенция девятнадцатого века гуманнее апостола Павла и преподобного Сергия, милосерднее апостола Петра и любвеобильнее патриарха Гермогена... И традиция наших великих святых, ныне мною выдвинутая, оказывается традицией «злого добра»...

Именно об этой малодушной гуманности, именно об этой педантической морали, именно об этой крайности в «добре» я и писал в моей книге, что она умеет вести себя всю жизнь с обычной черствостью и грешит всю жизнь в свою пользу, и потом выражает священный ужас, как только трагическая борьба о злом ставит ее перед необходимостью *совершить неправедность во имя любви*. Тут непротивленчество начинает просто изнемогать от прилива гуманных чувств и от жалости; и вся аргументация подлинного толстовства выступает мало-помалу вперед. Мало того, если кто вздумает назвать все это настроение и течение надлежащим именем (в совершенно не личной форме), — тогда извлекается из-под спуда самая неудержимая личная злоба, и изнемогший от любви «христианин» начинает «аргументировать» самой вопиющей клеветою...

Теперь Вы понимаете, почему они так озлобились на мою книгу: они сами узнали себя в моей совершенно не личной и никого из них не касавшейся философской полемике. *Inde irae et sadium...* *

Вот, собственно, и все, что я имел бы высказать Вам по поводу всего этого «ополчения» непротивленцев.

* Отсюда гнев и холодный пот (лат.). — А. Е.

Они встревожены тем, что русская зарубежная православная молодежь мыслит не с ними, а с нами; что их интеллигентские вывихи не воспринимаются подрастающим поколением. Они решили бороться с этим и прививать молодежи свою беспочвенную сентиментальность во что бы то ни стало, не оставиваясь и перед личными инсинуациями. И вот моя книга делается стратегическим объектом их похода, а я обречен на то, чтобы регистрировать один эксцесс их «христианской любви» (ко мне) за другим.

Эти эксцессы доходят до меня не все, некоторые доходят поздно, а иных я и совсем не читаю, хорошо зная духовный вес их авторов. Отвечать на все эти выходы нет ни сил, ни времени; и я думаю, что все, чего они добьются, это то, что мою книгу прочтет большее число колеблющихся.

Но к ним-то, к моим возможным читателям, мое последнее слово. Всякий из них, кто будет судить о моих воззрениях по статьям г. Бердяева и его единомышленников, должен дать себе отчет в том, что статьи эти грубо извращают мои философские воззрения и мои личные настроения, что суд *обязан* выслушивать обе стороны, что я вложил в мою книгу прежде всего *жажду правды* и писал ее, отдавая себе отчет в принимаемой на себя *ответственности*; что тема моя *очень* трудна, что уже неверная постановка вопроса может закрыть доступ к его верному разрешению, которое не может не быть и сложным, и тонким, что поэтому моя книга требует медленного, вдумчивого и, главное, беспристрастного и непредубежденного чтения, требует тем более, чем раздраженнее пишут о ней непротивленцы.

И еще одно. Пусть знают и помнят мои читатели, что мое исследование *никак и ничем* не предрешает и не предназначает никаких «политических лозунгов» и никаких «тактических путей». Мы совсем не ищем гражданской войны во что бы то ни стало, но в случае необходимости мы признаем ее христиански обязательной для нас. Мы совсем не мечтаем ни о мести, ни о казнях, ни о крови; но мы считаем малодушным и негодным того правителя, который не сможет «взять на себя решимость казнить», когда это будет необходимо, — *религиозно* малодушным и *государственно* негодным. Наконец, мы совсем не единомыслим с теми, кто «отодвинут в прошлое и принужден злобствовать»; и *они не единомыслят с нами*. Мы — белые, а не черные. И именно нами была впервые и уже давно выдвинута идея об *амнистии для раскаявшихся* и о братании с опомнившимся и возлюбившим Россию красноармейцем.

И потому все, что я хочу, — это чтобы мою книгу читали беспристрастно и предметно. Не верьте лжи; читайте и думайте сами; не смотрите из чужих рук. Но не прочтя и не продумав моей книги, не судите о «воззрениях Ильина» и не повторяйте безответственных и злобных слов о «злом добре»!..

А остальное доделают правда и время...

Не правда ли, дорогой друг?

